

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Для России начало 1905 г. складывалось из тех политических событий, которые в дальнейшем привели к ослаблению самодержавия: 9 января, убийство Великого князя Сергея Александровича, февральские дискуссии правительства, поражение русской армии под Мукденом, Бьеркский договор. Однако С. Ю. Витте предлагал Николаю II изменить систему государственного управления, в целях укрепления, надеясь на благоразумие Николая II. Но его подозревали в неискренности, правые силы создавали против него тайные сговоры, пытаясь скомпрометировать его в глазах общественности и царя. При этом С. Ю. Витте демонстрировал свою приверженность к российской политике и верности самодержавию, за что был возведен в графское достоинство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Византийская культура, автократор, февральские дискуссии, манифест о веротерпимости, общественное мнение, Е. В. и А. В. Богданович, Б. В. Никольский и Николай II, Портсмутский договор, графское достоинство С. Ю. Витте, Бьеркский договор

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolled

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

For Russia the beginning of 1905 consisted of those political events which have led further to weakening of autocracy: January 9, murder of the Grand duke Sergey Aleksandrovich, February discussions of the government, defeat of the Russian army near Mukden, Treaty of Bjorko. However S.Yu. Witte suggested Nicholas II to change system of public administration, for strengthening, hoping for Nicholas II's prudence. But he was suspected of insincerity, the right forces created against him collusions, trying to compromise him in the opinion of the public and the tsar. At this S.Yu. Witte showed the commitment to the Russian policy and fidelity to autocracy for what has been built in count advantage.

KEYWORDS

Byzantine culture, autocrat, February discussions, manifesto on toleration, public opinion, E.V. and A.V. Bogdanovich, B.V. Nikolsky and Nicholas II, Portsmouth contract, count dignity of S.Yu. Witte, Treaty of Bjorko

В феврале 1905 г. политические дискуссии в правительстве были ничем иным как попыткой изменить образ существующей власти в России. Идея «царственности»

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017. № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145.

власти претерпевала существенное изменение. В ее символике идея царственной власти опиралась на пирамиду социальной иерархии, где выше царя только Бог. Власть царя, освященная Божественным знаком на земле, оказалась священной, а император символизировал в земной жизни Божественную власть. Как известно, прежде императоры особую роль придавали утверждению собственного титула для внешнего и внутреннего употребления функций власти. От признания титула во многом зависели дипломатические отношения и связи с собственным народом. На престол от Бога царь посажен был не один, а вместе с «правдой», олицетворяющей проводимую им политику. Политика «правды», полученной от Бога, помогла Руси сделать свой «правильный» выбор и стать христианской «православной» страной.

В условиях христианизации власть царя в русской культуре имела византийские корни, которые переплетались с римской титулатурой императорской власти. Так, императором начал называть себя Иван III (1440–1505), принимая во внимание, что Русь должна иметь свой путь развития. Когда Византия пала под натиском турок в 1453 г., то «византийское содружество» распалось. С падением Византийской империи исчез институт императорской власти, как гарант сохранения порядка в мире. Русь, как единственно «правильная» страна, смогла сохранить свой суверенитет, не подчиняясь никаким союзам, и удержать традиции, которые принадлежали византийской императорской власти.

Апогеем величия царской власти Российского государства становятся переговоры новгородцев с Иваном III в 1462 г. Новгородцы, прибыв в Москву, просили царя выполнить некоторые обязательства, только с выполнением этих условий они гарантировали признать его как государя. Иван III решительно отклонил торг новгородцев и твердо отказался от их условий, но существенным являлось само обращение новгородцев к великому князю: они его впервые назвали «государем», и «господин Великий Новгород» подчинился Москве. Тем не менее, Иван III в дипломатических отношениях использовал титул «царь» (кесарь), создавая авторитет своей власти в понятных европейцам терминах. В политической жизни Московской Руси термин «государь» соответствовал понятию из частного права: личность «государя» выступала в качестве владельца, хозяина своего имущества. «Государь» — владелец «холопов», т. е. людей, добровольно продавшихся в рабство к личности, которую называют «государем». Иван III первым установил на русской почве правило — «государь» не знает каких-либо связывающих его письменных или устных обязательств в отношении с подданными. Если более конкретно — между «государем» и подданными не может существовать договорных отношений, власть государя должна быть абсолютной и неделимой. «Государь» мог лишь воспользоваться своей «милостью» в целях удовлетворения пожеланий своих подданных без каких-либо письменных или устных обязательств [11].

По причине того, что Русь должна иметь национальный путь развития, отличный от других, — независимый, суверенный, в 1469 г. Иван III отказался от титула «короля», который предложил ему посол Священной Римской империи Николай Поппель от имени своего сюзерена. Иван III не дал себя подчинить императору Священной Римской империи, пожелав быть не одним из многих под властью автократора (*греч.* — самодержец), а быть с ним на равных. Русь стала правопреемницей Византийской империи (идея «Москва — третий мир»), а ее власть — самодержавной.

Доктрина императорской власти на Руси постоянно находилась в процессе изменения, каждый исторический отрезок времени вносил существенные изменения в образ императорской власти. В XVI в. видный идеолог православной теологии и Русской Церкви Иосиф Волоцкий, в миру Иван Санин (1439–1515) в посланиях к великому князю Владимирскому и Московскому Василию III Ивановичу (1479–1533) обращался не по великокняжескому титулу, но старался выделить в обращении к не-

му особенные отношения современников, именуя Василия III не только «самодержцем», «царем», но и «государем всея Руския земля», хотя эти титулы не являлись официальными титулами великого князя. Разумеется, И. Волоцкий ближе всего склонялся к признанию титула «государя» [8]. Одно дело символически в административном значении именовать великого князя, другое дело — придать власти принцип ее религиозного зарождения. Иосиф Волоцкий в Средневековой Руси первым задумался о Божественном происхождении власти русского государя. Таким образом, политическая теология земную миссию государя уподобила Божьему Промыслу.

После Ивана III официально царский титул получил его внук великий князь Московский и всея Руси Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584), который при венчании 16 января 1547 г. получил титул царя. Титул царь (от лат. *caesar*) был равнозначен с единственным в Европе титулом Императора Священной Римской империи, вассалами которого являлось множество европейских государств. Во многом, политическая теология монархии на Руси сформировалась как аналог западного типа, включая в себя как византийские, так и европейские элементы коронации королей и императоров. Коронация на русской православной почве определялась божественным правом, включая в себя две церемонии: политическую инвеституру (коронация, клятва, вручение царских регалий) и религиозное освящение (венчание, помазание, благословение регалий). В конце XVI в. через церемонию миропомазания, заимствованную у Византии, первым прошел 31 мая 1584 г. преемник Ивана Грозного — Феодор Иоаннович. Смутное время начала XVII в. вносит некоторые новшества в титулатуре русских царей. На престоле в 1605 г. появляется лжецарь Дмитрий I, приказавший называть себя «непобедимым цесарем», т. е. императором. В иностранной корреспонденции — в посланиях к Римскому Папе, польскому королю Сигизмунду III и вельможам — Самозванец претендует на признание своей власти как наипомощественной среди земных монархов с указанием на ее Божественный аналог — «царя царей». В формулу титулатуры включена символика названий территорий, а также признания себя, как равно стоящего к Богу: «Мы, Пресветлейший и Непобедимый монарх, Дмитрий Иванович, Божиею милостию цесарь Великий Князь всея России, и всех татарских государств и прочих многих земель, к монархии Московской принадлежащих государь и король». Сигизмунд III гневно отнесся к титулу Дмитрия, он не принимал титул «царя» у русских князей, не считая их равными своему титулу «короля», а тут какой-то самозванец диктует свои правила. В ответном послании прозвучал титул «великий князь Московский» [6].

Важным событием в истории России стал день 22 октября (2 ноября) 1721 г., когда Синод и Сенат в Троицком соборе Петербурга поднесли царю Петру I титул императора за установление «вечного мира» со Швецией и утвердили ему почетное звание «Отец Отечества». С этого момента Российское царство (Московия) официально стало именоваться Российской империей.

Таким образом, на протяжении столетий русская интеллектуальная элита пыталась наделить своего правителя определенным объемом прав и функциями, которые позволяли видеть великого князя как «царя», «императора» и «государя». И всегда, когда происходило изменение титула правителя, как правило, изменялись не только объем прав и легитимность авторитета правителя, но и территориальное, культурное и политическое содержание государства.

Николай II унаследовал титул от своего предка императора Петра Великого. Поскольку власть царя обростала священной символикой, то личность носителя власти, как представителя Бога на земле, как бы отстраняясь от своей персоны, не называла себя в единственном лице, а определяла себя «моя Царственность» как имя с множественным значением. Эта византийская идея просуществовала в России до XX столетия — обращение русского царя к своим подданным в письменном виде выражалось в словах — «Мы Николай II», что означало «Бог и Я» (или «Я и

мои следующие родственники»). В разные времена к титулу царя добавлялся титул присоединенной территории. Однако к XX столетию над титулом «императора» нависли тени революционных движений и либеральных проектов, стало разрушаться и само традиционное представление о власти «самодержца». От царя требовались уступка и согласие на выборное представительство.

Безусловно, Николай II жил в иной исторической ситуации, но многие традиции предшественников при его правлении сохранялись, но главное, в чем он уступал им, — это проявление силы воли. В его действиях часто проявлялся страх по отношению к подданным: он их сторонился, прятался в своих резиденциях, проводил больше времени в кругу семьи и друзей. Рядом с ним всегда находились советники, более ловкие или жесткие, чем он сам, но всегда использующие его слабости для сохранения при нем собственного положения.

Февральские дискуссии 1905 г. показывают, что правительство было напугано не столько манифестацией народа, сколько своей профессиональной несостоятельностью и неумением организовать государственный порядок. Перед Николаем II стоял принципиально важный вопрос: твердо придерживаться самодержавного курса или предоставить стране возможность двигаться в либеральном направлении с участием выборного представительства. По инициативе Николая II были проведены три заседания. 3 февраля собрался Совет министров, повестку заседания «о привлечении выборных к законодательству» определял С. Ю. Витте. 11 февраля царь самостоятельно вынес на обсуждение два противоположно направленных своих суждения. Они были сформированы по принципу «кну́та и пряника»: с одной стороны, предлагалось введение карательных мер против народа, а с другой — удовлетворение требований либеральной оппозиции с помощью рескрипта о созыве представительства. 18 февраля царь от своего имени по секрету от министров вместо рескрипта приготовил на имя Сената — манифест и указ. Никто не знал, кто являлся автором этого манифеста. Витте полагал, что манифест составлен одним «из столпов черносотенцев»¹, так как присутствующие на заседании не были причастны к написанию этого манифеста. Между тем, детективную историю его возникновения в некоторой степени объясняет записка Николая II кн. В. П. Мещерскому. В ней от 12 февраля он просит набросать проект манифеста в духе манифеста его отца от 29 апреля 1881 г., где указывает, что следует упомянуть и «об убийстве великого князя Сергея Александровича, о войне, и о призыве к единению для подавления внутренней крамолы». При этом он призывает кн. Мещерского использовать «карамзинский слог», надеясь на то, что это «заставит всех пошевелиться»². «Проделка» царя с манифестом удивила министров, никто не мог понять откуда так неожиданно появился этот опубликованный манифест и указ. Витте отмечает, что государь появился на заседании как ни в чем не бывало, точно и не было манифеста. В душе он, вероятно, благодушно злорадствовал, ибо любил озадачить неожиданностями своих советчиков. По мнению Витте, все так были фруасированы (озадачены), что не стали спорить с царем, а некоторые даже умиленно расплакались при подписании государем рескрипта и произнесли благодарственные слова³. Любопытна сама ситуация, Витте на всех заседаниях либо молчал, либо выступал против представительства, цепляясь за принцип самодержавия. Что касается Николая II, то он вел себя так, будто бы все, что решалось на заседаниях, не касалось его власти, либо не понимал случившейся революционной уличной схватки власти с народом, или до конца не мог реально осмыслить либеральную идею о пред-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания:... С. 376.

² Бахметьевский архив Колумбийского университета. Вох 2. Нью-Йорк, США. Фонд С. Е. Крыжановского // *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 199–200.

³ Витте С. Ю. Воспоминания: ... С. 374–379.

ставительстве, которой в эти дни был одержим. Соответственно, Витте выдерживал позицию за самодержавие, на чем подобало твердо стоять царю, а царь призывал составить проект рескрипта для министра внутренних дел Булыгина о привлечении выборных к законодательству.

Витте явно был убежденным монархистом и политически не отступал от закона о самодержавии, что невозможно сказать о государе императоре. Николай II 18 февраля 1905 г., преодолев вековые традиции об укреплении самодержавной власти, при собственном содействии неожиданно для всех публикует первый манифест об ограничении своих функций автократора, т. е. самодержца. Что это было? Внутренний протест против министров, которые затеяли спор о правомерности абсолютной власти царя и видели в созыве «представительства» панацею от всех бед? Или «мальчишеский» протест против С. Ю. Витте, своеобразно выражавшего свои взгляды на какофонию внутри правительства. В организационной чехарде никто не понимал, кто кому подчиняется, какой акт имеет юридическую силу, каждый министр по тем или иным причинам мог получить благосклонность царя либо его недоверие, и тогда государственные вопросы не решались. И вот, наконец, собрались вместе и царь, и министры, чтобы придать государственному управлению приемлемое единство и чтобы царь согласился на некоторые реформы либерального толка. Царь боялся улицы, во всем мерещилась революция, но искал сам выход из существующей угрозы самодержавию и противился всему, что предлагали министры. В свою очередь Витте вынашивал идею преобразования Совещания министров, председателем которого он стал по воле царя 17 января, а также Комитета министров, где он тоже председательствовал, Совета министров во главе с царем и его уполномоченным и сконцентрировать в единый государственный центр управления. То, что существовало множество комитетов и совещаний, понимал и царь, но он не захотел уступать Витте и преподнести ему такой подарок, поэтому встреча с Витте 9 февраля не принесла им обоим удовлетворения. Царь подозревал, что если все управление слить в один-единственный орган Совет министров, то возникнет европейский Кабинет министров, что вело к укреплению в нем роли Витте. Сам Витте не прочь был занять место рядом с царем — на горизонте маячило премьерство. Видя колебания царя, Витте вел взвешенную политику. Он пытался запугивать царя ролью конституционного монарха, предсказывал вооруженные конфликты, которые могут возникать между представительством и государством, функции которого сокращаются при парламентах [1, с. 161–168] (пугал, ибо глубоко проникся политикой царя и все, что предрекал в 1905, сбылось в 1917 г.). Как видно, указ 18 февраля стал победой не министерской группировки, у царя была своя фракция, которую условно можно назвать «придворной». Поговаривали, что к изданию указа был причастен Д. Ф. Трепов [12, с. 57, 60]; не исключена причастность и профессора Николаевского, который был соратником генерала-черносотенца Е. В. Богдановича и противником Витте.

Другим не менее важным фактором являлось влияние Вильгельма II на своего кузена Ники, использовавшего в политических целях родственные связи. В письме к кузине — вдовствующей императрице Марии Федоровне, германский кайзер советует, чтобы Николай II провозгласил первоначально программу самых скромных, но «надлежащих» реформ. Кроме того, он предложил сделать это так, чтобы эти реформы исходили от него самого и чтобы у министров не было желания отнести их на свой счет [1, с. 168]. Кайзер имел в виду то, что Витте воспрепятствовал реализовать Николаю II реформы манифеста 12 декабря 1904 г.¹ Вместе с тем, он предостерегал Николая II «от вверения внутреннего переустройства России» Витте, считая его «весьма опасным», ввиду того, что его самолюбию со стороны царя

¹Красный архив. 1925. Т. 9. С. 65.

нанесены уколы¹. Совершенно очевидно, что Вильгельм, делая такие замечания по поводу Витте, весьма своеобразно оценил его хватку и умение отстаивать свои интересы. Между тем, Вильгельм считал, что Витте мог быть пригодным даже при либеральном представительстве, если бы Николай взял в свои руки всю исполнительную власть².

Иными совами, византийское начало российской царской власти под воздействием европейской цивилизации стало распадаться, в него стали проникать либеральные ценности. Правительству пришлось обратиться к совершенно новым для самодержавия либеральным ценностям. Январская революционная стихия сменилась апрельской веротерпимостью. Так, 17 апреля 1905 г. в «Манифесте об укреплении начал веротерпимости» возвеличивались наравне с православной верой и другие вероисповедания, которые не подлежали преследованию. Манифест расширил не только корпус личных и гражданских прав³, он стал важным документом высшей бюрократии России. Вопрос «о введении широкой веротерпимости» был поставлен еще при Александре III в 1890 г. председателем Комитета министров Н.Х. Бунге [4, с. 27], лекции которого слушал Николай II, а Витте в свое время имел с ним наилучшие отношения, когда находился на службе в Киеве. Здесь уместно привести воспоминания жены Витте о его общественно-политических взглядах, которые он высказывал в ее присутствии. Матильда Ивановна Витте характеризует их в предисловии к мемуарам самого Витте: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я...»⁴. Отсюда поддержка Витте гуманистического взгляда на вопрос о свободе совести. Как видно, царь вплотную вместе со своей бюрократией подошел к вопросу о реформировании государственного порядка и соблюдении властями законных положений о веротерпимости [10].

Неслучайно С.Ю. Витте, участвуя в обсуждении проекта Указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»⁵, защищал положение старообрядцев. По слухам, которые распространялись по городу, в частности со слов члена Государственного совета А.С. Стишинского, известная А.В. Богданович подтверждала причастность Витте к появлению указа о веротерпимости. Пожалуй, любопытным является ее экстраординарное сообщение о том, что в городе существуют 8 масонских лож. В одной из них, что располагалась на ул. Николаевской № 44, членом масонской ложи якобы состоял Витте. Ему, как утверждала Богданович, принадлежала ведущая роль в ее работе (запись 24 апреля 1905 г.) [2, с. 342]. Нет сомнений, создавалось мнение, что Витте способствовал продвижению указа о веротерпимости, поскольку был масоном.

Само собой разумеется, что Витте не мог безразлично относиться к проблеме веротерпимости: человек, женившийся на женщине с еврейскими корнями, не мог не быть терпимым к другим народностям. Он так же как и Николай II, мог сказать — это всегда были его воззрения на вопрос о веротерпимости⁶. Витте жил и учился на Кавказе (Тифлис), а затем в Новороссии (Одесса), где совместно проживали различные кавказские народности, русские и евреи. Он вобрал в себя культуру

¹Красный архив. 1925. Т. 9. С. 69.

²Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 91.

³Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV. 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

⁴Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. 2003. Т. 1. С. 18.

⁵ПСЗ — III. Т. XXIV. № 25496; Из архива Ю.С. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 661.

⁶Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 272.

терпимости как русский европеец, но из-за женитьбы на разведенной еврейке постоянно претерпевал унижительные нападки общества и печати на его юдофильство, несмотря на то, что его жена была крещеной еврейкой. Националистические круги общественности свой антисемитизм обыгрывали в сатирической форме, например в «Утре» был выпущен черносотенный листок «Виттова пляска», где в созвучии фамилии Витте и имени христианского (католического) Святого Витта высмеивается его «еврейство», как «клиническая пляска»¹. Еврейское происхождение его жены давало возможность недоброжелателям дискредитировать Витте в глазах государя, которому постоянно докладывали, что Витте причастен к еврейскому заговору и вынашивает изменнические планы [9]. Так, влиятельный в обществе ультрапатриот генерал Е. В. Богданович в письме от 28 июля 1905 г. предупреждает царя о том, что Витте уязвлен и готовит страшную месть императорской семье из-за ее холодности к его супруге. Он сообщает, что за унижение своей жены Витте «отплатит гибельным концом всей династии Романовых», что он «подкапывается под самодержавный трон» и, дескать, «пользуясь охраною правительственной власти, он играет роль Катилины» [там же]. Этим сравнением генерал Богданович пытался подчеркнуть революционность действий Витте. Он подобно Цицерону ораторствует, витиевато изъясняясь — «мы» (видимо, патриоты) готовы воскликнуть: «Иди, Сергей, к твоим друзьям, чтобы всем стало, наконец, ясно, что ты наш явный враг». Здесь автор письма намекает на якобы существующую связь Витте не только с еврейством, но и с франк-масонством [там же]. Отсюда понятна запись в дневнике его супруги А. В. Богданович о масонстве Витте, в салоне обсуждалась эта проблема, она являлась весьма привлекательной, магически таинственной и запрещенной. Возвышение Витте непосредственно вытекало то ли из его германофильства, то ли из его жидо-масонства.

Витте обвиняли в том, что он захватил не только место министра финансов, но и превратил Россию в германскую колонию. В вину вменяли дружественные отношения с кайзером Вильгельмом II и получение от него немецкого ордена Черного Орла². Общественность во всех неудачах начала выделять Витте, как жертву сакрального характера. Не случайно сам Николай II причислил Витте к виновникам не только кровопролития 9 января, но и в прологе так называемой «русской революции 1905 года». К тому же, Николай II об этом коротко намекает в письме к матери, считая, что вина Витте как раз в его бездействии.

Но после московских событий Витте кардинально меняет свои действия, Николай фиксирует изменения в поведении Витте, в письме к матери он пишет, что, дескать, «...теперь он хочет всех вешать и расстреливать». Царь удивлен такой изменчивостью Витте, хотя и сам не отличался постоянством своего характера: «Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он». И далее, Николай вновь ссылается на общественное мнение: «Благодаря этому свойству характера, почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех...» [5, с. 132].

Показательно письмо, написанное императору после революционных событий в декабре 1905 г., сыном писателя Л. Н. Толстого — графом Л. Л. Толстым. Он прямо указывал на то, что Витте — «враг России», что «его близкая связь с евреями» жестоко осуждается русским обществом. В письме он ссылается на мнение своего знаменитого отца о виновниках революционных волнений в стране, под-

¹ Любимов С. В. С. Ю. Витте // Русский евриенический журнал. 1928. Т. 6. Вып. 2; Утро: Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. СПб., 1906. № 4.

² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1900. — Копия письма кн. Шаховской С. Ю. Витте с обвинением его в измене России. Копия приложена к записке Славянскому комитету с предложением о создании отделов комитета на местах.

черкивая, что «все это сделали евреи». К словам отца Толстой-младший добавил: «С позволения Витте, женатого на еврейке»¹.

Витте знал о том, что после 12 декабря 1904 г. общество и лично государь отнеслись к нему враждебно. Он постоянно слышал, что государь его не любит и даже ненавидит. Причиной якобы являлась его резкая манера говорить с ним. Да, он признавал, что при спорах бывал резок, говорил то, что думал. Но все это обходилось без упреков при Александре III, царь до последних дней своих благоволил к нему, хотя не любил евреев, но посчитал важным не вмешиваться в личную жизнь Витте. А вот императрица Мария Федоровна его женитьбу из-за сплетен воспринимала враждебно. Но после смерти августейшего мужа, на первой аудиенции, Витте поделился своими опасениями, что при новом царе существующие интриги могут навредить ему, на это императрица заметила, что не следует жаловаться на интриги, дескать, интриги не поколебали его положения при Александре III, и он оставался министром до конца его смерти, так будет и впредь.

Что же мешало императору Николаю II принимать Витте как личность? Нет, не его манера говорить, а то, что он говорил. Витте указывал на то, что все, о чем он говорил и предупреждал государя, все случалось и случалось потому, что тот не хотел слушать. Витте не сомневался, что в глубине души Николай II не переставал осознавать его правоту². Тем не менее, Николай II не смог сдерживать себя и продолжал противодействовать Витте. Прежде всего, Николай II обратил внимание на бурную роль Комитета министров в преобразовании административной практики после принятия указа 12 декабря 1904 г. Государь решил реанимировать Совет министров, который под его председательством не собирался годами. В январе 1905 г. Совет министров неожиданно собрали и в конце заседания не официально, так, между прочим, царь просил гр. Д. М. Сольского (1833–1910) впредь собирать Совет и заниматься всеми вопросами, представленными министрами или теми вопросами, на которые государь сам будет указывать. Все присутствующие определенно сочувствовали Д. М. Сольскому, понимая, что нелегко в рабочем состоянии содержать два органа — Комитет министров и Совет министров.

В начале 1905 г. общественность правого толка случайно или по чьей-то указке активизирует против Витте свои действия. Так получилось, что в поисках заработка профессор Б. В. Никольский, будучи с 1903 г. членом первой крупной монархической организации — Русского собрания, становится личным секретарем генерала Е. В. Богдановича. Несомненно, на политические взгляды Никольского влияло сотрудничество с Е. В. Богдановичем. Вместе с ним Никольский участвовал в составлении писем к Николаю II, так называемых «записок» в защиту самодержавия, в которых Никольский пытался инспирировать свои собственные политические идеи [13, с. 32]. Выполняя при нем необременительную работу, он за свой труд получал некоторую сумму, как дополнение к основному заработку (буквально до смерти Богдановича в 1914 г.). Генерал Е. В. Богданович одновременно являлся членом Совета министров внутренних дел, а также старостой Исаакиевского собора. Вместе с женой он содержал общественно-политический салон, получая на его содержание и печатание ультрапатриотических брошюр деньги из государственной казны. Б. В. Никольский с момента знакомства с Е. В. Богдановичем приобретает в общественно-политических кругах известность. Более того, из простого наблюдателя за деятельностью Витте он превращается, как и его покровитель, в тайного противника Витте. Как ни парадоксально, но известность в общественных кругах вскружила голову образованнейшего

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/27260). Д. 35. Л. 2. Толстой Л. Л. — Николаю II. 13 декабря 1905 г.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 371.

человека Петербурга. Он полагал, что горькие события выдвинули его вперед, а знакомство с министрами и многими представителями политических и общественных кругов Петербурга делало его известным и информированным человеком, который был нужен всем. Апогеем его политической жизни стал день 2 апреля 1905 г. — император Николай II принимал на аудиенции профессора Б. В. Никольского по рекомендации министра просвещения В. Г. Глазова. В приемной Александровского дворца (Царское Село) находился барон В. Б. Фредерикс, и он спросил, по какому случаю Никольский представляется царю. На это Глазов ответил, что Никольский — член Русского собрания и автор нескольких докладов, о которых государю известно [7, с. 47]. В вопросе барона Фредерикса, видимо, прозвучало недоумение, при Дворе в каждом новом человеке виделся фаворит его величества. Министр императорского двора барон Фредерикс обязан был спросить министра В. Г. Глазова, кого он представляет царю. Тем не менее профессор по своему образованию никоим образом не подходил на роль фаворита царя. Никольский привлек внимание царя своими докладами и письмами и, вполне вероятно, среди них были письма, направленные против предложений Витте. Любопытна и другая сторона этой встречи, она позволяет увидеть глазами ученого Б. В. Никольского, каким предстал перед ним Николай II, причем не понаслышке, а реально в общении с ним. Никольский в дневнике пишет, что во время представления царь слушал его и чуть-чуть улыбался. Он заметил, что при всем самообладании и привычки, царь «не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста». Это выдавало в нем нервного и неуверенного в себе человека. Наблюдая за его мимикой, Никольский обратил внимание на то, что лицо его не движется, но «оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся». В то же время «веки все время едва уловимо вздрагивают», а «глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие». Как преподаватель, работающий со студентами, Никольский профессионально передал услышанную речь Николая II: «выбирает расплывчатые, неточные слова, и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, — головой, плечами, руками, даже переступая». Согласно Никольскому, на встрече из них трех не волновался только он один, Глазов — немного смущался и беспокоился, а вот царь «больше всех нервничал, стеснялся и жался». Бесспорно, Никольский не мог не отметить тот факт, что фигура и лицо царя, и многое в нем становилось понятным при определенном сопоставлении фигур его родителей — монументальной громады Александра III с зыбкой фигуркой вдовствующей императрицы. И хотя Никольский не запомнил, сколько времени он говорил с царем, казалось 10 минут, а возможно и больше, однако заметил, что за короткое время постепенно нервность царя успокоилась «и под конец он слушал и просто, и внимательно» [7, с. 47–48].

Б. В. Никольский вел переписку с известными людьми. Так, заслуживает внимания одно из писем Никольского, адресованное ученому богослову, педагогу и известному архиепископу Антонию Храповицкому (1883–1936), он сообщает ему о себе, что самой меньшей частью своей работы он считает публичную деятельность, связанную лишь с речами в различных общественно-политических организациях. Но, самой важной частью, является та часть, которую он выполняет в государственных учреждениях, а она была связана с повышением образования сановников. Никольский утверждает, что ни один вопрос на заседаниях Государственного совета или совещаниях у царя не проходит без его невидимого участия. И далее, без всякого стеснения Никольский сообщает о своей сомнительной деятельности, которую он выполнял на тот момент. То ли для него, как члена «Союза русского народа», такое отношение к негодным людям считалось в порядке вещей, то ли политический успех в кругах сановников, действительно, вскружил ему голову. Как ни парадоксально, но он вполне открыто сообщает о своих предумышленных действиях против Витте, что все его начинания терпели крах, ибо «многие неудачи Витте» создавались у него

в кабинете, и далее, что он становится постепенно «юрисконсультom правой» (видимо, правой партии). Причем, для Никольского в этой деятельности существовали определенные неудобства, служба эта не вознаграждалась материально, мешала ему работать и не позволяла искать иные средства для существования, которых ему постоянно не хватало¹. Поскольку внутри бюрократического аппарата находился своеобразный очаг ультраправых, косвенно одобренный вниманием царя, Никольский старался занять в нем важное место. Как видно, в течение некоторого времени одним из видов деятельности профессора Никольского была его тайная работа по подрыву всякого рода начинаний Витте. Он прилагал усилия к тому, чтобы у окружающих возникло мнение о неспособности Витте к решению государственных дел, а отсюда недолго оставалось до появления ненависти к личности Витте. По существу, не успех должен был вызывать у общественности ненависть к Витте, а его некомпетентность и желание оставаться на государственном поприще.

Любопытно, но и царь боролся с Витте, только иными средствами. Он соперничал со своим министром и в душе противостоял ему, видимо, не мог смириться с тем, что Витте были подвластны все государственные дела. В отличие от Витте император на протяжении многих лет тщетно пытался стать государственным деятелем, но это произошло лишь тогда, когда он неожиданно для всех включился в защиту самодержавия и вновь (в который раз!) пригласил Витте на роль защитника самодержавия. Эта необходимость возникла в стремительном и судьбоносном для России 1905 г.

Провальную авантюрную военную политику с Японией (1904–1905), начатую В.К. Плеве и «безобразовской кликой» при попустительстве царя, пришлось завершать Витте в Портсмуте (США) договором 5 сентября 1905 г. при посредничестве американского президента Т. Рузвельта. Японцы не хотели официально запрашивать мир у России. Они под видом «личного мнения» еще в марте 1905 г. через своего военного министра Масатакэ Тэраути просили оказания посредничества президента США. К посредничеству президента США Т. Рузвельта Николаю II советовал обратиться и кайзер Вильгельм II. В связи с этим, предполагалось начать переговорный процесс в американском городе Портсмут. Тем не менее, Николай II к вопросу о мирных переговорах с Японией подошел лишь в июне, когда он сменил военного и морского министров: 21 июня военное министерство возглавил генерал А.Ф. Редигер, а с 29 июня морское ведомство возглавил адмирал А.А. Бирилев. В этот же день было принято решение о заключении мирного договора. России предлагался вариант окончания войны на условиях японской стороны².

Как ни парадоксально, но представители министерства иностранных дел отказались, испугавшись масштабов политической ответственности, вести переговоры с Японией. Кандидатура Витте в качестве уполномоченного посланника на переговорах с Японией оказалась самой подходящей. С тяжелой ношей — политической ответственностью — мог справиться лишь один государственный деятель того времени — им был Витте. Полное понятие, что у Николая II не было иного выбора: в империи не существовало личности равной Витте для выполнения столь деликатной миссии. Николай II капитулировал перед Витте. Не желая затягивать конфликт, поскольку либеральная оппозиция в своей агитации все настойчивее призывала выступать против войны и действующего правительства, Николай II согласился предложить деликатную миссию Витте и призвал его к себе. Смущал лишь тот факт, что Витте заведомо предупреждал о проигрыше в войне и предостерегал

¹ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 16 (черновик письма от 25 декабря 1905 г.) // Никольский Б. Н. Дневник. 1896–1918. Т. 1. С. 33.

²Кошкин А. Запомните: с 1905 по 1945 год Япония владела Курилами де-факто [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/219099.html> (дата обращения: 29.11.2016).

от ввязывания России в дела Кореи, чтобы не навлечь войны с Японией. Витте был прав, когда выступал против «безобразовской» дальневосточной авантюры. Царь сохранял к нему неприязненные отношения, не забывая его предупреждения о том, что России нужна не война, а мир. Но «мальчишеские» игры мешали ему трезво смотреть на советы Витте. В сложившейся ситуации «безобразовская» клика, выступавшая против Витте и подстрекавшая царя к войне, к этому периоду не имела возможности влиять на государственную политику. Царь сам с момента войны приказал «безобразовцам» не высовываться и помалкивать. Более того, Николай II вначале 1905 г. сумел уволить покровителей «шайки» (в. кн. Алексея Александровича и адмирала Алексеева), чтобы никоим образом на страницах либеральных газет не возник вопрос о лесных концессиях, иначе всплыло бы имя и самого царя [1, с. 189]. Витте вновь был призван в большую политику. Витте торжествовал. Царь, боясь получить отказ, обратился к Витте не напрямую, а через посредников. Но Витте и не думал об отказе — он имел на это право — быть уполномоченным от царя.

Перед отъездом в Портсмут, где должны были состояться переговоры о заключении мира, Николай II сделал прощальные наставления, задав Витте особый алгоритм по ведению переговоров: заключение мира без территориальных уступок и уплаты денежной контрибуции противнику¹. Казалось, на мирных переговорах удача была полностью на стороне Витте. Хотя за столом переговоров находился Витте, как глава русской делегации, однако в тени переговоров для мировой общественности осталась незамеченной роль русского царя. Политический тандем «Витте — Николай II» проявил согласованность и показал, что можно действовать командой и достигать совместными усилиями нужный эффект. Условия мира оказались для России менее унижительными, чем предполагалось. Философию Портсмутского мира определил Николай II, настойчиво требуя от Витте выполнения своего плана мира. Все предложенные условия должны были отвечать державному статусу России, в понятиях царя недопустимы были денежная контрибуция и передача Сахалина японцам. Что касается тактики Витте, то в подтексте переговорного процесса, который он вел, витала идея не сломенного духа русской армии, ибо Россия не проиграла войну и если понадобится, то могла ее продолжить. Именно под этим углом зрения проходили переговоры, учитывался тот фактор, что войну начинали японцы и мир затребовали японцы. К моменту переговоров у японцев не только военная мощь была на исходе, но у них закончились деньги на ведение войны, четыре иностранных займа легли тяжелым бременем на бюджет страны, а пятый заем был заключен лишь к середине 1905 г.

Итак, концепция переговоров со стороны России включала в себя идею победы, о поражении не могло бы идти речи. Безусловно, на переговорах большая заслуга принадлежала Витте, он вызволил Россию из состояния войны не побежденной, а победившей страной. За столом переговоров ему удалось отвоевать то, что было утрачено армией и флотом на суше и море. Витте держал японцев за чертой побежденных, а не победителей, подобно Талейрану, который обеспечил Франции равное положение на Венском конгрессе мира 1814–1815 гг. со странами-победительницами.

Витте в Америке произвел впечатление демократа, о нем писала пресса, ему рукоплескали; но главное — перед ним не устояла японская делегация — психологическая выдержка Витте дополнялась его физическим превосходством, а виртуозность ума позволяла ему комбинировать информацию, получаемую от царя, доверенных лиц, посольств и прессы. Когда Витте садился за стол переговоров, то он знал, как и что будет «выдавливаться» из позиций японцев. Витте на переговорах в Портсмуте, без сомнения, отстоял лицо Николая II — императора России.

¹Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 145.

За переговорами в Портсмуте наблюдали не только во всем мире, но и пристально следили и в Петербурге. Так, 17 августа в Павловске в.к. К.К. Романов записал в дневнике, что из газеты узнал новость о мире. Однако по его ощущению этот мир не может быть радостен, так как увенчался несчастьем для русского оружия, хотя Витте на переговорах и «одержал значительную дипломатическую победу». В последующей записи от 22 августа он сообщает о тех сомнениях, которыми были охвачены в эти дни Николай II и Александра Федоровна. Россия к моменту, когда японцы запросили мир, перегруппировала и усилила свои военные силы, русская армия была готова к продолжению войны. Но вдруг — мир! Государь был уверен в неприемлемости продиктованных японцами условий мира, но когда те приняли русские условия, то Николай II и императрица, по словам очевидцев, как в воду были опущены¹. Возможно, дипломатическая победа Витте ошеломила царственных особ. Не исключено, что царь пользовался планом о мире, который разработали Абаза — Вогак. В духе настроений Николая II и Александры Федоровны прозвучало и мнение Главнокомандующего по Дальнему Востоку генерала А. Н. Куропаткина: он назвал мир между Россией и Японией поспешным и неоправданным, указывая на то, что победа японцам далась сильными потерями, а русская армия на суше имела в несколько меньше потерь, чем рассчитывала. Безусловно, никто в России не мог допустить мысли, что мир будет подписан с денежной контрибуцией и передачей всего о. Сахалина, как того требовали японцы. Этой версии придерживался и президент США Т. Рузвельт, настойчиво продвигая совет России следовать именно японской версии переговоров, что на самом деле отвечало интересам западноевропейских стран. Однако итогом напряженной борьбы стал следующий результат: японцы получили лишь южную часть о. Сахалина, т. к. эта территория на тот момент была занята японской армией, т. е. победившая страна была удовлетворена тем, что ей предложила делегация побежденной страны. Мирный договор был подписан 24 августа (5 сентября) 1905 г., Витте уезжал в Европу и в Россию триумфатором, европейские главы государств стремились заполучить Витте и услышать из первых уст впечатления о событиях в Портсмуте (США).

Популярность Витте на переговорах была высокой как в самой Америке, так и за ее пределами. В Германии кайзер Вильгельм II не менее, чем Николай II, пристально следил за событиями в Портсмуте. За тот период, когда Витте находился в Америке, кайзер и царь тесно общались между собой, обсуждая вопросы не только мирного договора с японцами, но и таможенного договора, подписанного ими 11 июля 1905 г. в Бьерке (около Выборга) на борту императорской яхты «Полярная звезда». Бьеркский договор был подписан без участия иностранных ведомств обеих стран, один на один, между кузенами.

Примерно 2 сентября 1905 г. на имя С. Ю. Витте неожиданно пришла телеграмма с поздравлением за подпись Вильгельма II: «С успехом на переговорах в Портсмуте»². Казалось, это было признание достижений Витте в пользу России на переговорах. По мере продвижения Витте назад в Россию кайзер не выпускал его из виду, и у Вильгельма II были на то веские основания. Перед ним был умный и проницательный сановник, который при любых обстоятельствах мог отстаивать интересы России. В делах с Россией ему нужен был союзник, как Витте.

На обратном пути в Петербург маршрут Витте был также напряженным: заезжал в Париж (6 сентября), где ему удалось встретиться с главой министерства Рувье и президентом Лубе, который завел разговор о внутреннем положении России, о необходимости установления представительства и конституции, что без этого

¹ Из дневника Константина Романова. 1905 год // Красный архив. 1931. Т. 1 (44). С. 134.

² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 46. Телеграмма Вильгельма II, кайзера Германии — Витте С. Ю.

у России не будет перспектив развития. В Париже он получил из британского и немецкого посольств сообщения, что король Эдуард и император Вильгельм рады его принять. Без высочайшего повеления он не мог принять их приглашения. В рамках Бьеркского соглашения Витте встретился лишь с кайзером, из Берлина он проехал через Вержблowo (пограничная зона России) в Роминтен (Германия) — гостевой домик Вильгельма II, где частыми гостями кайзера были русские сановники, военные и династические родственники. Во время встречи кайзер вручил Витте экстраординарную награду за Портсмут — к первому ордену Черного Орла — ему добавили цепь Красного Орла. Эти ордена вручались лишь членам царствующих домов.

Николаю II после высоких наград кузена Вильгельма II ничего не оставалось, как также высоко оценить достижения Витте на мирных переговорах с Японией в Портсмуте. По прибытии в Петербург Витте на следующий день (17 сентября) получил приглашение его величества приехать к нему в финляндские шхеры, где Николай II со своим семейством находился на императорской яхте «Штандарт»¹. Государь принял Витте в своей каюте. Он «сердечно и искренне» благодарил его за успешные переговоры и ту услугу, которую он оказал лично ему, выполняя на переговорах все монаршие инструкции «не только по букве, но и по духу». Государь за Портсмут пожаловал Витте графское достоинство, что сердечно тронуло сановника, и от неожиданности он поцеловал руку Николая II.

Из воспоминаний А. А. Вырубовой (урожденной Танеевой), фрейлины и ближайшей подруги императрицы, известно, что она увидела Витте за обедом, перед которым он получил графское достоинство. Новоиспеченный счастливый граф вошел вслед за государем и во время обеда рассказывал о своих впечатлениях от Америки [3, с. 24]. Приглашение на яхту означало, что государь действительно был доволен тем, что сделал Витте для него и в целом для России. В этот момент все разногласия, существующие между ними, не являлись непреодолимыми препятствиями. Между ними в какой-то момент исчезло соперничество, казалось, они оба стояли на пьедестале Портсмутского соглашения, создавая устойчивый политический союз. Своим сердечным настроением государь хотел поделиться с императрицей — она сама должна была услышать из первых уст, как завершился русско-японский мир. А. Вырубова не оставила воспоминаний о реакции государыни на посещение яхты Витте, но известно впечатление самого государя, выраженное им в письме из Петергофа от 29 сентября 1905 г. к матери: «В Биорке к нам явился Витте, он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился “столчок” и затем он три раза старался поцеловать руку! На другой день он с нами завтракал и на “Стреле” ушел в Петербург»².

Заслуги Витте были достаточно велики, не скупясь на награды, государь за счет казны в Биаррице (Франция) приобрел ему виллу. Эйфория победы на дипломатическом уровне перекрывала все обиды за неудачные военные действия, создавалось ощущение, что государь, наконец, понял, почему за прошедшие два года изменился внешнеполитический курс — из-за отсутствия Витте — и как трудно без него решались государственные вопросы. Недолюбимая Витте, император все-таки не мог обойтись без него, подарки царя лишь небольшая часть компенсации за столь долгое отсутствие Витте в большой политике.

Графиня Матильда Ивановна Витте наконец, в начале октября 1905 г., была принята в императорском доме. Государственный деятель А. А. Половцев 6 октября

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 2012. С. 471.

² Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906) // Красный архив. Т. 3 (22). М., Л., 1927. С. 161.

1905 г. записал в своем дневнике, что это была крупная новость: новая графиня М. И. Витте после многолетнего ожидания была приглашена в Петергоф императрицей Александрой Федоровной¹. Но свой стиль жизни графская чета не стала изменять — светские приемы оставались их семейной традицией. В годы, когда Витте уже являлся «бывшим» и бюджет семьи не позволял жить как прежде, Матильда Ивановна продолжала поддерживать авторитет своего мужа. Со своей стороны Витте позволял сохранять эту традицию, поскольку он и тогда не желал огорчать свою любимую жену. Витте даже обратился к Николаю II с просьбой о выделении ему в порядке материальной помощи 200 тыс. руб. Ради своей Матильды он не боялся быть смешным и беспринципным, хотя по своему характеру был честолобив. Николай II предоставил Витте затребованную сумму. Возникает вопрос: со стороны Николая II это был жест признания заслуг Витте перед Россией или вынужденная уступка? Возможно, и то, и другое. Так или иначе, с семьи С. Ю. Витте после получения им титула графа были сняты статусные ограничения, и Матильда Ивановна с дочерью Верой могла появляться в высшем свете.

В общественных кругах новоиспеченного графа тут же окрестили «Полусахалинским», кто-то в шутку, а кто-то со злобой. По договору с японцами северная часть о. Сахалина отошла к России, а южная часть, занятая японцами, осталась в их владении — Витте не отстоял полную территорию острова. Указ породил различного рода инсинуации против Витте. Поднялись страсти в «болоте» русского общества: жалели, что Витте стал графом; левые и черносотенцы остались недовольны тем, что мир не был так позорен, как война, были и те, кто в прессе пытались все заслуги акта о мире приписать Рузвельту. Но Витте переживал, когда правые газеты стали его травить, потому что он якобы обманул государя, заключив договор с Японией помимо его воли. Особенно отличалась газета «старика» А. С. Суворина «Новое время», которая продвигала идею о несвоевременности заключения мира с Японией. Сам А. С. Суворин постоянно распространял слухи, что слышал, как государь говорил, что когда все были за заключение мира, то он один был против. Отсюда возникла уверенность в продолжении войны и полной победе над Японией².

И только Вильгельм II непреклонно проявлял последовательность в доброжелательном отношении к Витте. Он оценил выдающиеся заслуги Витте и признал справедливое решение Николая II о пожаловании Витте графского титула за установленный мир с Японией. Не позднее 17 сентября (видимо, зная о намерениях кузена) он телеграфировал Витте и поздравил с пожалованием титула графа за заключение Портсмутского мирного договора³. Такое пристальное внимание к персоне Витте было неслучайным, т. к. Вильгельм II понимал, что Витте поймет смысл Бьеркского договора и характерную для него изворотливость и тайный умысел. Далеко смотрящий Вильгельм ради своих интересов использовал слабости и доверчивый характер кузена Николая, намеренно пытаясь расторгнуть договор между Россией и Францией. Возможно, поэтому при встрече с Витте в своем гостевом доме на границе с Россией, Вильгельм II обхаживал российского сановника и был доволен его пребыванием у него в гостях. В их отношениях сложностей не намечалось, ожидаемой реакции на заключение Бьеркского договора не произошло. Витте, напротив, на тот момент, видимо, согласился с условиями Бьеркского договора, т. к. после триумфа в Америке предполагал, что внимание со стороны кайзера связано именно с его успехами на переговорах с японцами. И только по приезде в столицу, когда Витте окупился в подводные течения Бьеркского договора, вполне вероятно, он понял, почему был обласкан вниманием со стороны Виль-

¹ Дневник А. А. Половцева // Красный архив. Т. 4. М., Л. 1923. С. 74.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 472–473.

³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 47. Телеграмма Вильгельма II, кайзера Германии — Витте С. Ю.

гельма II. Встреча Витте с графом Ламздорфом произошла после того, как граф побывал у государя с докладом. Он передал Витте их разговор о нем, сказав, что государь очень доволен и его образом действий в Америке, и пребыванием у немецкого кайзера. И отдельно, как бы проверяя государева слова и ища подтверждения у Витте, сообщил, что его величество также сказал ему, что якобы Витте совершенно разделяет Бьеркское соглашение¹.

Витте подтвердил свое согласие с тем, что «правильное ведение политики заключается в установлении союза России, Германии и Франции, а затем распространение этого союза и на другие континентальные державы Европы». Он твердо придерживался этой политической линии. На что граф Ламздорф ответил, что «лучшая политика для России — быть самостоятельной и не обязываться ни перед кем»². Оба были правы и оба понимали друг друга.

И только после обмена мнениями о политике они выяснили, что Витте не читал текста договора, так как не получал его ни от Вильгельма, ни от государя. Что касается графа Ламздорфа, то он узнал о подписании договора лишь через три месяца. В октябре-ноябре 1904 г. Ламздорф смог проконтролировать намечавшийся первый договор между Германией и Россией, тогда он не был подписан Николаем II именно по настоянию Ламздорфа. Теперь, учитывая его прежнее вмешательство, государь ограничился лишь передачей ему текста договора после его подписания в целях ознакомления. Ламздорф тут же предложил с этим документом ознакомиться и Витте. Судя по тому, что Бьеркский договор был подписан императорами Николаем II и Вильгельмом II тайно от министерства иностранных дел, они все-таки соблюдали дипломатический протокол. Договор был контрассигнован: с германской стороны подпись поставил неизвестный сановник, с российской стороны — министр, возглавивший недавно (29 июня) морское ведомство адмирал А. А. Бирилев, который, не читая и ничего не подозревая, формально подписал договор по настоянию Государя³. Контрассигнатура, т. е. подпись министра на акте, означала, что он несет политическую и юридическую ответственность за выполнение договора. Подписи же императоров являлись формальными. Скрепление акта договора подписями лишь указывало на солидарность глав государства друг с другом. Графа Ламздорфа, возглавляющего министерство иностранных дел, не пригласили лишь по той причине, что он принципиально не поддерживал идею подписания договора с Германией. Неслучайно Вильгельм II так старался обхаживать кузена во время их встреч в шхерах. Он намеренно льстил кузену и воспользовался влиянием своей персоны на доверчивого Николая II, чтобы не использовать дипломатический канал. Витте, со своей стороны, прочитав договор, не мог согласиться с тем, что вектор политики развернулся против Франции, с которой был закреплен договор прежде, чем с Германией. Более того, он сам вместе с министром финансов Кокцовым вел активную работу не только во французской прессе, но и среди банковской элиты о денежном займе для России⁴.

Несмотря на привилегированные знаки отличия, полученные Витте от германского кайзера Вильгельма II, он примкнул к позиции министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, считавшего, что договор в Бьерке является не выгодным и неприемлемым в решении односторонних отношений с Германией без Франции. Как видно, после прочтения текста договора Витте безоговорочно поддержал позицию правительства, т. е. интересы государства оказались для него выше тех личных

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 475.

² Там же.

³ Там же. С. 476.

⁴ Тарле Е. С. Ю. Витте, французская пресса и русские займы // Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 36–37; К переговорам Кокцова о займе в 1905–1906 гг. Записка С. Ю. Витте // Там же. С. 37–39.

наград и того внимания к своей особе со стороны кайзера Германии — Вильгельма II. Витте всегда в государственных делах придерживался не только российского законодательства, но и соблюдал справедливого соглашения. При содействии Витте, Ламздорфа и вел. кн. Николая Николаевича государь отказался ратифицировать договор после заключения мирного договора с Японией, а Ламздорф в дальнейшем предпринял все доступные дипломатические меры, чтобы Бьеркский договор был аннулирован¹. Однако Бьеркский договор стал своего рода первым шагом к разрыву отношений Германии с Россией, который в дальнейшем из-за уязвленного самолюбия будет отдалять Вильгельма II от Николая II, что приведет к трагической войне 1914 г. и гибели двух империй.

Литература

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
2. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
3. *Вырубова А.* Воспоминания. М., 2013.
4. *Кризис самодержавия в России. 1895–1917.* Л., 1984.
5. *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М., 2013.
6. *Морозова Л. Е.* История России. Смутное время. Гл. 6. Лжедмитрий I на престоле [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/morozova-lyudmila-evgenjevna/istoriya-rossii-smutnoe-vremya/7> (дата обращения: 01.03.2017).
7. *Никольский Б. В.* Дневник 1896–1918. Т. 2. СПб, 2015.
8. *Перевезенцев С. В.* Преподобный Иосиф Волоцкий [Электронный ресурс]. URL: [odigitria/by/2014/10/31...isof volocky...s-v/](http://odigitria.by/2014/10/31...isof%20volocky...s-v/) (дата обращения: 11.02.2017).
9. *Сагинадзе Э.* «Враг России» С. Ю. Витте: антисемитизм и фобии в риторике дискредитации реформатора [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Saginadze.pdf (дата обращения: 06.07.2015).
10. *Сафонов А. А.* Свобода совести в правосознании российской правительственной бюрократии в начале XX века // Тезисы доклада на Всероссийской конференции «Правовая система России: традиции и инновации» (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 25–27 апреля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.hse.ru/data/2013/05/02/1296668093/Доклад%20проф.%20А.А.%20Сафонова (дата обращения: 06.07.2015).
11. *Флоря Б. Н.* Представления о власти Московских государей в Древнерусском обществе XV–XVI веков. Иван Грозный [Электронный ресурс]. URL: www.sedmitza.ru/lib/text/438923/ (дата обращения: 09. 12. 2016).
12. *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
13. *Шиллов Д. Н.* Борис Владимирович Никольский и его дневник // Б. В. Никольский. Дневник 1896–1918. Т. 1. СПб., 2015.

References

1. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yulyevich Witte and his time* [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb., 2000. (rus)
2. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednix samoderzhztsa]. M., 1990. (rus)
3. Vyubova A. *Memoirs* [Vospominaniya]. M., 2013.
4. *Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917* [Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917]. L., 1984. (rus)
5. Kudrina Yu. V. *Impress Maria Fedorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M., 2013. (rus)
6. Morozova L. E. *History of Russia. Time of troubles. P. 6. False Dmitry I on a throne* [Istoriya Rossii. Smutnoe vremya. Gl. 6. Lzhedmitrii I na prestole] [An electronic resource]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/morozova-lyudmila-evgenjevna/istoriya-rossii-smutnoe-vremya/7> (date of the address: 3/1/2017). (rus)
7. Nikolsky B. V. *Diary 1896–1918* [Dnevnik 1896–1918]. V. 2. SPb., 2015. (rus)

¹Витте С. Ю. Воспоминания. С. 480.

8. Perevezentsev S.V. *Reverend Joseph of Volotsk* [Prepodobnyi Iosif Volotskii] [An electronic resource]. URL: [odigitria.by> 2014/10/31 ... isof volocky ... s-v/](#) (date of the address: 11.02.2017). (rus)
9. Saginadze E. «*Enemy of Russia*» S.Yu. Witte: *antisemitism and phobias in rhetoric of discredit of the reformer* [«Vrag Rossii» S.Yu. Vitte: antisemitizm i fobii v ritorike diskreditatsii reformatora] [An electronic resource]. URL: [www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Saginadze.pdf](#) (date of the address: 06.07.2015). (rus)
10. Safonov A. A. *Freedom of worship in sense of justice of the Russian government bureaucracy at the beginning of the XX century* [Svoboda sovesti v pravosoznanii rossiiskoi pravitel'stvennoi byurokratii v nachale XX veka] // Theses of the report at the Russian conference “Legal system of Russia: traditions and innovations” (SPb., St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of Russia, on April 25–27, 2013) [Electronic resource] / URL: [www.hse.ru/data/2013/05/02/1296668093/Доклад%20проф.%20А.А.%20Сафонова](#) (Date of the address: 06.07.2015). (rus)
11. Florya B.N. *Ideas about the power of the Moscow sovereigns in Old Russian society of the 15–16th centuries. Ivan the Terrible* [Predstavleniya o vlasti Moskovskikh gosudarei v Drevnerusskom obshchestve XV–XVI vekov. Ivan Groznyi] [An electronic resource]. URL: [www.sedmitza.ru/lib/text/438923/](#) (date of the address: 09.12.2016). (rus)
12. Chermensky E.D. *The bourgeoisie and a tsarism in the first Russian revolution* [Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii]. M., 1970. (rus)
13. Shilov D.N. *Boris Vladimirovich Nikolsky and his diary* [Boris Vladimirovich Nikol'skii i ego dnevnik] // B.V. Nikolsky. *Diary 1896–1918* [Diary 1896–1918]. V. 1. SPb., 2015. (rus)